Чему улыбается Косинна?

Представляем обзор статьи британского археолога Фолкера Хейда с критическим осмыслением последних работ палеогенетиков с археологических позиций.

Читайте также ниже, в разделе «Мнения экспертов» комментарий проф. Л.С.Клейна «Хейд против упрощений и золотые сандалии»

В том же номере журнала Antiquity, что и статья Кристиансена, о которой мы недавно писали, опубликована статья известного археолога Фолкера Хейда под названием «Улыбка Косинны». Хейд развивает ту же тему, что и Кристиансен, сопоставляя последние открытия генетиков и данные археологов, однако рассматривает ее не однозначно, а во всей массе противоречий. Предполагаемую миграцию носителей ямной культуры из евразийских степей в Центральную Европу, он сравнивает со взглядами Густава Косинны – немецкого археолога конца XIX – начала XX века, известного попытками этнической идентификации археологических культур, из идей которого вышла пропагандистская нацистская археология.

Хейд начинает со ссылок на две статьи палеогенетиков, вышедшие в 2015 г. в Nature (Allentoft et al.2015, обзор на сайте ; Haak et al.2015, обзор на сайте) и статьи, появившиеся ранее (Brandt et al. 2013; Lazaridis et al. 2014) и суммирует их результаты в нескольких положениях:

1. Открытие третьей группы предков современных европейцев наряду с западными охотниками-собирателями и ранними ближневосточными земледельцами. Этот третий компонент меньше в южной Европе и больше в северной Европе.
2. Третий генетический компонент происходит из евразийских степей и связан с миграцией популяции ямной культуры примерно 3000 лет до н.э.
3. Генетическая преемственность связывала ямную культуру с культурным комплексом шнуровой керамики/одиночных погребений/боевых топоров Восточной/Центральной/Северной Европы. По данным Haak et al.2015 ямный компонент составлял 75% в генофонде шнуровиков.
4. Эта миграция определила наше понимание третьего тысячелетия до н.э. как очень динамичного периода, характеризующегося масштабными перемещениями населения.
5. Просматриваются связи между этими миграционными процессами и распространением индоевропейских языков.

Несколько последующих статей уточняют картину. В том числе было показано, что:

— Чума возникла не в античный период, а была распространена еще в третьем тысячелетии до н.э. (Rasmussenet al.2015, обзор на сайте), и бактерии Yersinia pestis также связывали ямников со шнуровиками.

— Ямники были светлокожими, но с темными глазами (Allentoftet al.2015), при этом у них имелась мутация толерантности к лактозе, позволяющая пить молоко; у шнуровиков же чаще встречаются голубые глаза и не было мутации толерантности к лактозе.

— Обнаружена массовая экспансия мужских линий наследования (Pozniket al. 2016) от 4,8 до 5,5 тыс. лет назад, что свидетельствует о преимущественно мужском характере ямной миграции.

По оценке Хейда генетиками получены отличные результаты, которые могут помочь решить некоторые из спорных проблем, которые десятилетиями остаются нерешенными. Тем не менее, он ставит вопрос: если генетики увидели связь между ямной культурой и культурой шнуровой керамики, почему же археологи не видели ее раньше? Есть основания для критического отношения к выводам генетиков – небольшое количество образцов древней ДНК и их региональная специфичность. Хейд также отмечает, что 5% генетического компонента ямников было найдено у тирольского «ледяного человека», хотя он жил за 200±100 лет до миграции ямников в Европу. И основную опасность он видит в попытках по «горсти» образцов из индивидуальных захоронений переходить к этническим интерпретациям популяций (хотя, справедливости ради надо сказать, что генетики не говорят об этносах).

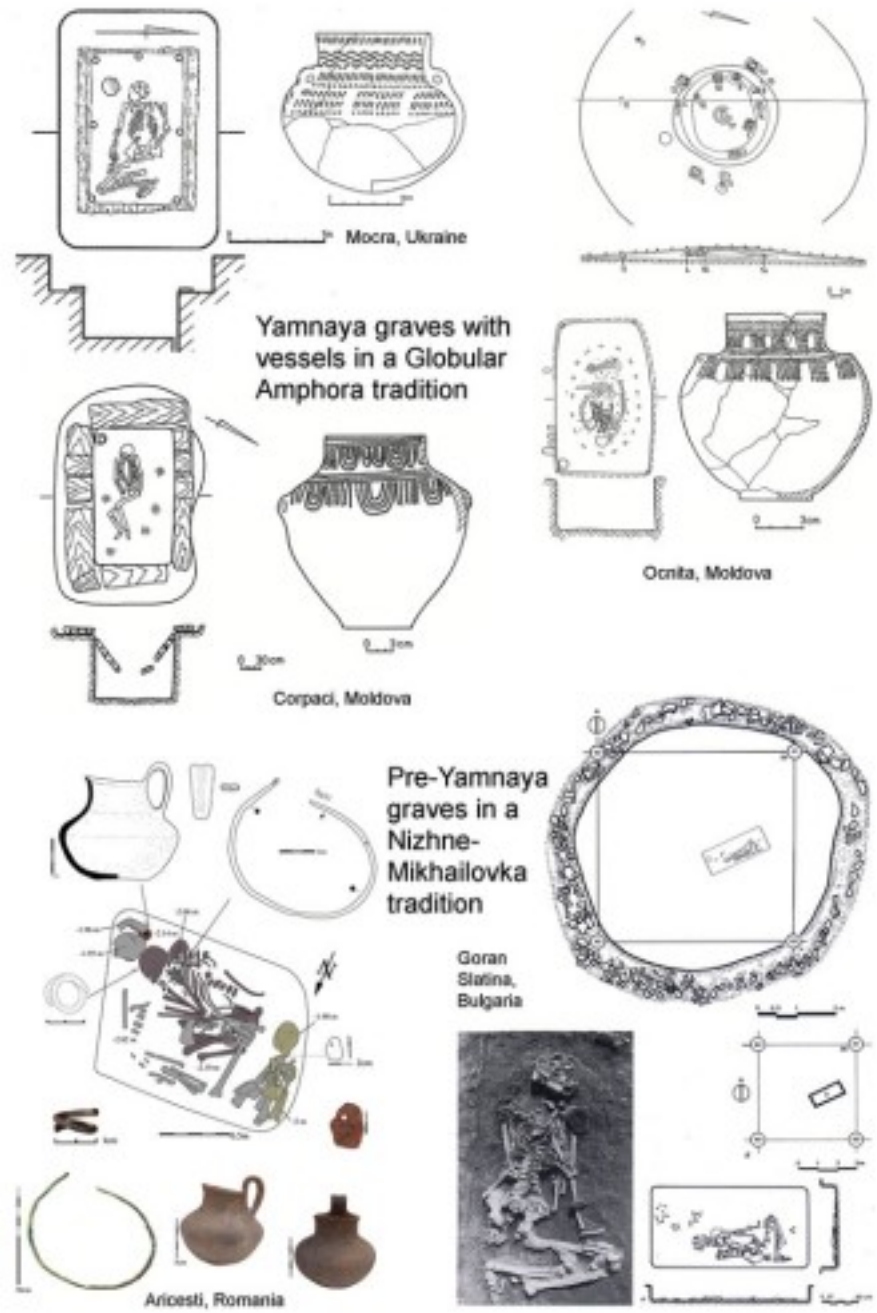
Привет от Косинны, иронически замечает автор…

Основной посыл, пришедший из трудов Густава Косинны, это этническая идентификация археологических культур и приравнивание границ материальных артефактов к этническим и лингвистическим границам. Даже в стороне от политических и идеологических спекуляций эта идея вызвала серьезную научную критику из-за чрезмерного упрощения. (Еще раз, генетики об этносах не говорят. Но возможно, сходство с Косинной автор просматривает в преувеличении ими роли миграций?)

Возвращаясь к гипотезе о роли ямной миграции, Хейд констатирует, что десятилетия исследований археологов не подтверждают происхождение шнуровиков от ямников на три четверти, как утверждает Хаак. Он перечисляет три аспекта отношений между этими культурами, которые трудно объяснить:

1. Ямники и шнуровики проживали в разных экологических зонах – первые в степи, вторые – в лесу. Нет ни одного погребения, которое бы нарушало эту закономерность.
2. Начало периодов ямной культуры и культуры шнуровой керамики отличается всего на 200 лет (3050/3000 лет до н.э. и 2850/2800 лет до н.э.).
3. Похожие на первый взгляд, захоронения этих культур, скорее, демонстрируют больше различий, а не сходств, это касается особенностей ритуалов и сопровождающих материальных предметов.

Автор рассматривает альтернативные сценарии в координатах времени и пространства. Первая альтернативная идея состоит в том, что население степного региона взаимодействовало с населением Европы задолго до ямной миграции.

Артефакты, демонстрирующие связь степного региона с Европой до культуры шнуровой керамики; вверху — ямная и культура шаровидных амфор (Szmyt2013); внизу — предъямные погребения в Румынии и Болгарии (Frînculeasaet al.2015).

Вместо предполагаемого одного эпизода генетической передачи от ямной к культуре шнуровой керамики возникла гипотеза множественного смешения, которая более соответствует археологическим реалиям. Эта гипотеза утверждает, что не только

ямники стали генетическим ресурсом для шнуровиков. Другой кандидат – культура шаровидных амфор, которая в течение двух или трех веков существовала параллельно с ямной, однако в статьях палеогенетиков эта культура совсем не упоминается. В течение четвертого тысячелетия до н.э. мы видим доказательства тесной связи между предъямными обществами степного пояса и Карпатским регионом. Курганы с индивидуальными погребениями и кости лошадей найдены в культурах Баальберг и Зальцмюнде в Германии, кости лошадей – в погребениях четвертого тысячелетия до н.э. в Чехии и Венгрии. Все говорит о том, что взаимодействие между степным регионом и юго-восточной Европой уходит корнями к пятому тысячелетию до н.э. и приводит к появлению в Европе артефактов степной природы и распространению ритуальных практик.

Гипотеза связи ямной культуры и культуры шнуровой керамики по Allentoft et al, 2015.

Гипотеза связи ямной культуры и культуры шнуровой керамики по Haak et al., 2015.

Варианты путей передачи от ямной культуры по Heyd 2016.

Хейд считает, что рассматривать взаимодействие культур Европы со степными культурами нужно во всей полноте. В это рассмоторение должна быть обязательно включена культура колоковидных кубков на западе Европы. Он перечисляет три основных археологических признака изменений в Европе в конце третьего тысячелетия до н.э. Первый – распространение по всей Европе антропоморфных статуй, второй – кремневые и медные кинжалы и третий – могилы воинов, погребенных с этим оружием. Наиболее показательно погребение на юге Иберийского полуострова, датированное 2875 – 2770 гг. до н. э., которое по нескольким особенностям сильно напоминает ямное погребение, в том числе по положению скелета и присыпанию костей красной охрой.

Погребение в Valencina de la Concepción, PP4-Montelirio в сравнении с погребениями ямной культуры в Румынии и культуры шнуровой керамики в Австрии (Neugebauer1987; García Sanjuán et al. 2013; Frînculeasa et al. 2015).

Хейд подробно останавливается на одном типе артефактов из этого погребения – это пластина из слоновой кости и золотая пластина – в форме «сандалий». Позднее такие «сандалии» были найдены и в других погребениях в Иберии, относящихся к первой половине третьего тысячелетия до н.э. Хейд сравнивает их со следами в форме сандалий, которые были найдены на антропоморфных статуях из ямных курганов на Украине. Эти сандалии следует рассматривать, скорее, как символ, как знак статуса и власти или как предмет для ношения в царстве мертвых. Как бы то ни было, этот артефакт приобретает панъевропейское распространение в начале третьего тысячелетия до н.э., перед экспансией культуры колоковидных кубков около 2500 лет до н.э. И это, по мнению Хейда, признак не простой преемственности от ямников к шнуровикам, а более сложной картины.

Изображения сандалий в культурах иберийского халколита (вверху) и на стеллах ямной культуры в Украине (внизу) (Telegin & Mallory1994; Murillo Barroso et al.2015).

Вообще, простое решение сложной проблемы никогда не является лучшим путем, подчеркивает Хейд. Косинна уже предлагал простое решение сложной проблемы преистории и потерпел неудачу. С тех пор археология преистории стала учитывать больше нюансов и использовать междисциплинарный подход. Две статьи палеогенетиков в Nature, упоминаемые в начале, это тоже путь спрямления и упрощения в контексте культур и истории, который так же, как и методология Косинны, уравнивает людей и культуры. Это частично связано с отсутствием связующего звена между генетиками и археологами.

В то время как я не сомневаюсь, пишет Хейд, что обе статьи по существу правы, они не отражают всей сложности нашего прошлого. По его мнению, важно, чтобы археологи в палеогенетических исследованиях нашли свое место, чтобы их роль была не только в снабжении образцами и их датировке, но и в том, чтобы представлять генетикам прошлое человечества во всей его сложности. Если такой подход будет принят, это будет, по выражению Хейда «брак на небесах» с благославляющей улыбкой Густава Косинны и, без сомнения, Вира Гордона Чайлда, если бы они были живы. Это будет примирение двадцатого и двадцать первого столетий. Для нас как для археологов это будет отправной точкой для следующего уровня *новой археологии.*

текст Надежды Маркиной

Источник:

Kossinna’s smile

Volke r He yd

antiquity 91 356 (2017): 348–359

https://www.cambridge.org/core/journals/antiquity/article/kossinnas-smile/8ABA3BD9132B7605E8871236065CD4E3